

Со смертью на «ТЫ»

Фронтовая драма в двух актах

Эта фотография несколько лет назад уже публиковалась в «Качканарском рабочем». Ее автор — известный фотожурналист В.Н.Чупраков, запечатлевший в кадре множество людей и событий нашего города. Но этот кадр — особый: на нем отец Виктора Николаевича. Сержант Чупраков Николай Александрович, сполна хлебнувший военную лиху — герой этого очерка.

Одно лишь предварительное замечание. Чупраков-сын сделал самое лучшее, что можно было сделать для сохранения памяти о своем отце: он передал документы на хранение в городской архив. Да, уважаемые качканарцы, практика показывает, что хранение документов, особенно об участниках Отечественной войны, в семьях не всегда гарантирует их сохранность. А все, что сдано в архив, будет храниться вечно. К тому же этими документами могут воспользоваться люди, занимающиеся историческими исследованиями. При написании этого очерка очень активно использовались документы шведского узе из жизни Н.А.Чупракова.

Зато сколько проблем сейчас с подготовкой книги о ветеранах-качканарцах к 60-летию Победы! Умер ветеран — и что где искать? Очень надеюсь, что этот пример подвигнет ветеранов или членов их семей на аналогичный поступок — сдать документы, материалы, письма, дневники и т.п. в городской архив. На вечную память для потомков.

Пролог

Война — очень сложное социальное явление. Сложное для понимания и осмысления. Причина — в разительном контрасте между целями и средствами. Та же Великая Отечественная. Цели — священные: защитить свою Родину и извратить мир от фашистской нечисти. Методы — грязь, жестокость, кровь, смерть. Через это прошли наши ветераны, кто-то испытал этого больше, кто-то меньше.

Герой нашего очерка — больше: он служил в разведке. Потому наши победители скептически относятся к кинофильмам и книгам о войне: там лишь малая толика правды. Вся же правда слишком страшная — по этой причине мы некоторые моменты опустим. Да и на самих ветеранах за шесть десятилетий образовался хреоматитный глянец. Хотя, если вспомнить их, наших родственников или соседей, — самые обычные люди, с недостатками и слабостями, страстями и грехами. Но война, этот самый суровый экзамен для настоящих мужчин, делала их, обычных в обычной жизни, несокрушимыми по силе духа, лучшими в мире солдатами. Вспомните кадры кинохроники, когда Черчилль в Крыму медленно обходит строй почетного караула и пристально смотрит на лица, в глаза нашим солдатам, словно пытается разгадать тайну русской души.

Акт первый

Чупраковы — крестьянского рода. Причем, как это часто случалось, в одной семье были и колхозные активисты, и раскулаченные. Их малая родина — деревня Кутенево, тогда Махневского, ныне Алапаевского района.

Николай Чупраков решил изменить свое социальное положение. Уже в 17 лет он стал учителем в начальной школе и даже закончил три курса педуниверситета в Ирбите. Больше не произошло: в 1938 году призван в армию. Место службы — Дальний Восток, 31-я кавалерийская дивизия, в которой грамотный молодой человек

становится командиром отделения. В то время на Дальний Восток отправлялись служить очень многих, потому что вероятным противником №1 считалась Япония, захватившая Северо-восточный Китай. И повод давала страна восходящего солнца так думать о себе. Жестокие бои на озере Хасан и реке Халхин-Гол чего стоят! Поэтому уже в 1938 году был создан Дальневосточный фронт. Этот фронт-долгожитель просуществовал до сентября 1945 года.

Но реальный враг пришел с запада. И когда это случилось, когда выяснилось, что Япония не планирует нападать на Советский Союз, тогда эшелоны с нашими солдатами устремились на запад — под Москву, под Ленинград. Николай Чупраков попал под Ленинград.

Немного о кавалерии, ушедшем в историю роде войск. Образ кавалерийской атаки нам опять же создает кино: лихо, романтично, красиво, особенно если фильм исторический, и наши побеждают. А для солдата Чупракова, который почти всю войну был со смертью на «ты», кавалерийский бой запечатлелся в памяти как один из самых страшных. Это колоссальное напряжение, когда страха нет, а есть невероятная злость. Это умница-лошадь, самое благодарное из животных, все понимающая и тонко чувствующая это напряжение. Она устремляется в атаку, как только такой момент наступает. Это жуткий сабельный звон, потом еще долго колоколом звенящий в голове. И жертвы, обезображенные боем жертвы: порубленные тела, отсеченные руки, головы... Не для слабонервных. Даже когда старый солдат умирал (Николай Александрович ушел из жизни в 2000 году), уже слабеющим голосом он командовал: «Шашки — вон!»

Война для него могла закончиться уже в 1941 году. Как, впрочем, и жизнь. Роковой для командира отделения разведки могла стать холодная декабрьская ночь под Тихвином, когда шквал минометного огня обрушился на наших бойцов. Молодые, необстрелянные, они стремились убежать от взры-

ва, но попадали под другой и гибли. Настиг осколок и Чупракова.

В течение всей своей долгой жизни Николай Александрович постоянно будет сам себе задавать вопрос: «Как я мог остаться в живых?» Он расценивал это как невероятное везение. «В рубашке рондился», — говорят в таких случаях. В ту злополучную ночь ему повезло дважды. Во-первых, осколок попал в солдатский кожаный ремень, что и спасло жизнь. Везение второе было в том, что в крошечной тьме его нашла девушка-санитарочка и вынесла на плащ-палатке. Ранение оказалось очень тяжелым: слепое осколочное поясничное ранение с повреждением позвонков. Реальной была перспектива остаться лежачим инвалидом: три месяца ноги не работали. На этот раз везение пришло в образе молодой женщины-врача, которой, видимо, приглянулся бравый сержант, и она пообещала сделать все возможное, чтобы поставить его на ноги. Слово сдержала: нашла хорошего хирурга, тот удачно сделал операцию, еще три месяца лечения — и уже на своих ногах Николай Чупраков отправился домой в качестве дембеля.

Акт второй

Радость родных и близких, что их Николай вернулся домой хоть и не очень здоровым, но живым, оказалась преждевременной. Он сразу же стал хлопотать о возвращении на фронт. Можно представить, какое потрясение испытали родители: ведь к тому времени уже находился в плену младший брат Николая — Владимир. Отец от таких переживаний тяжело заболел. Но Николай упорно стоял на своем, несмотря на неоднократные отказы Алапаевского военкомата удовлетворить его рапорт из-за тяжелого ранения.

Каковы мотивы такого поведения человека, который выстрадал право на мирную жизнь? Хотелось бы думать, что это чувство высокого патриотизма, но вряд ли, хотя и отвергать это не будем. Скорее всего, Николай Александрович был из категории людей, которые не могли реализовать себя в мирной жизни. А ведь для человека очень важно знать, что где-то он нужен, что он востребован. Они умели воевать, кому-то нравилось играть со смертью; это, кстати, вполне в русском духе. И не раз приходилось слышать от ветеранов разных войн, в том числе и афганской, что в чем-то на войне проще. Яснее видно, где белое, где черное, где добро, а где зло. Но главное — чувствуешь себя настоящим человеком.

Но, как бы там ни было, Николай все-таки «достал» военкоматовских работников и получил предписание, правда, не на фронт, а в запасной полк, в Еланский лагерь старшиной. Отвез отца в больницу — и к новому месту службы. Служба как служба: принимать и отправлять эшелоны на фронт. Обязанности старшины — помыть, переодеть, накормить — и в течение суток эшелон отправлялся дальше.

Но, как оказалось, и здесь подстерегала опасность, хотя другого рода. Вскоре после очередной отправки к Чупракову пришли товарищи из органов и надели на него наручники. Посадили, одним словом. А в чем дело? А в том, что в эшелоне украл продукты, соответственно возник вопрос: не состоял ли с похитителями

в сговоре еланский старшина? Удивляться здесь особо нечему: «кому — война, а кому — мать родна». Не секрет, что кто-то проливал кровь на фронте, кто-то надрылся в тылу, а кто-то и поднажился на народном горе. В данном случае воров поймали (они попались на рынке) и устроили очную ставку. Вопрос был один: помог ли им старшина? Опять повезло, что у злоумышленников совесть еще осталась, и они ответили честно: нет. Но самочувствие подзреваемого легко представить.

Этот случай укрепил Н.Чупракова в мысли: на фронт, на фронт, только на фронт! Снова бесконечные рапорты и, наконец, положительный ответ: «Формируешь очередной эшелон, с ним и отправляйся старшиной эшелона». Что и было сделано, хотя не обошлось без курьеза. Эшелон был колымского формирования. Представляете, какая публика в нем собралась? Их так и называли: братцы-колымцы. Когда старшина полез к ним с уставными требованиями, они ему ответили конкретно: «Ты нам давай жратву, давай спирт, но не разводи. А порядок мы и без тебя организуем».

Местом действия второго акта военной драмы Н.А.Чупракова стал 11-й танковый корпус. Соединение, между прочим, прославленное. Вот его полный титул: «11-й танковый Радомско-Берлинский Краснознаменный орденов Суворова и Кутузова корпус». И хотя война шла к своему победному завершению, путь этот по-прежнему был тернистым. А прославленный танковый корпус пробирался к Берлину через самое что ни на есть военное пекло. Орденами и званиями отмечено его участие в Белорусской операции — в ней он громил Ковельскую группировку врага, затем в Люблин-Брестской операции, в результате которой наши войска подошли к Варшаве. Потом — через всю Польшу, это Висло-Одерская операция и разгром Варшавско-Радомской группировки. И, наконец, точка в войне — взятие Берлина с Кюстринского плацдарма, через Зееловские высоты (ветераны знают, о какой мясорубке идет речь).

Вообще-то насчет точки есть вопрос. В военном билете Н.А.Чупракова среди наград значится медаль «За освобождение Праги», хотя в его записях нет ни строчки об этом. Нет этой медали и на пиджаке Николая Александровича. Прага, как известно, была освобождена 9 мая 1945 года, когда в Карлхорсте уже подписали акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Мы говорим о танковом корпусе, но ведь Чупраков — танкистом не был. Он воевал в этом корпусе, но был командиром отделения в составе отдельной роты автоматчиков. Это надо понять и почувствовать. Танки — основная ударная сила, они прорывают оборону противника своей броней и огневой мощью на острие главного удара. А эти, которые автоматчики, сидят на броне! Если танкисты защищены от пуль и осколков, то автоматчики только их и собирают. Чем не смертники? По словам Николая Александровича, после боев на Зееловских высотах из роты их осталось два человека. Но, видно, действительно, что раз близко познакомился со смертью, к тому она теряет всякий интерес.

Но наш русский Ваня, в данном случае Коля, еще и дополнительно найдет приключений на свое одно место. Близ города Кюстрина Чупраков со своими орлами обнаружили совершенно новую легковую машину. Она была прикрыта сеном. Ну, обнаружили и ладно. Нет, наши герои, не умея водить, покатили ее вручную. Навстречу — четыре офицера. Ну, сначала душевный разговор на уровне «кто? куда? зачем?», потом вердикт: «Машину мы у вас забираем». Возражения переросли в драку, офицеров отлупили. Следует заметить, что бить офицеров — дело сильно неблагоприятное по последствиям. Это трибунал. Эти четверо к тому же оказались из «Смерша». А это уже — верный расстрел. Естественно, «удальцов» нашли и арестовали. Не расстреляли (повезло опять?), дали шанс. Цена вопроса — разведка в Кюстрин.

Пошли двое ночью. Шли по мосту — мост кончился: разрушен. Спустились по опоре в реку, поплыли. Ночь пересидели на берегу в кустах, утром их обнаружил снайпер и убил напарника. Чупраков, затаившись, ждал ночи и изучал обстановку. Стучит котелок: идет немец. Дальше дело техники: нож к горлу, информация к сведению, документы в карман, немца в расход... И обратно.

Общаясь с ветеранами, понимаешь, что на войне у них выбор был такой: сделать или умереть, жизнь или смерть с огромной долей превосходства последней. А удача, счастливый случай, везение (как угодно можно назвать) было тому, кому выпадал хоть малый процент, но жизни. А кому-то и не выпадал.

Были и другие примеры, когда погибали люди, обреченные на жизнь. Во время уличных боев за Берлин заняли очередной дом. Повар принес бойцам пищу и попросил пострелять из автомата: дескать, война заканчивается, а он и автомат в руках не держал. Ради Бога! Взят автомат, подошел к окну — и лут ему рухнул замертво: в тот же миг улицы прилетела пуля. Что тут скажешь? Судьба!

Поэтому не удивительно, что в нашем рассказе о полной опасности военной судьбы В.Н.Чупракова мы частенько говорили: повезло. В этом смысле финал его фронтовой драмы оказался счастливым. После взятия Берлина какое-то время служил в комендантуре: собирать для отправки на Родину девушек, угнанных в Германию. И что удивитель-

но, некоторые из них наотрез отказывались уходить от своего бауэра, не желая менять свое рабство на колхозный рай. Темные — что с них взять? А в декабре 1945 года отправился домой сам: учитель отпускали немного раньше других.

Так закончилась военная эпопея Н.А.Чупракова, продолжавшаяся семь лет.

Эпилог

Вспоминает Виктор Николаевич:

— Мы, тогда совсем дети, ждали отца с фронта. При этом нас с сестренкой беспокоил вопрос: как мы его узнаем? И вот однажды посетил: идет мужик какой-то. А к кому идет? Остановился у нашего дома, поставил чемодан, закурил. Зашел в дом, снял вещешок, сел. Смотрит на нас, мы — на него. Что ему надо? Попить? Молчит. А потом и говорит: «Я — отец ваш». Мы растерялись и не знали, что делать.

Вот так отцы, пришедшие с войны, знакомились со своими детьми, а дети — с отцами. Что еще запомнилось мальчику, впервые увидевшему отца? Конечно, подарки. Ему — фонарик разведчика с разноцветными стеклами, бастуше — одеколон, матери и бабушке — по золотому кольцу, а еще хром, плащ-палатка, тюль...

С педагогикой у Николая Александровича не заладилась. Во-первых, с психикой не все было ладно: кричал и со скакалкой по ночам: во сне приходили пережитые на войне кошмары. Да и приворовывали в детском доме, где он работал воспитателем — жаловался, был конфликт. Попробовав разные профессии, остановился на одной: стал огнеборцем. Пожарным работал и в Качканаре до самого выхода на пенсию. Работал добросовестно: в трудовой книжке записано множество благодарностей, почетных грамот, денежных премий, звание «Лучший по профессии».

Есть такое понятие — звездный час. Это пик, вершина достижений человека, его максимальный взлет. В долгой жизни Н.А.Чупракова такой звездный час приходится на период Великой Отечественной войны, когда он долг перед Родиной выполнил вдвойне, а, может, и больше. Символично, что на пиджаке у него среди множества медалей — две Звезды. Красных. Цвета крови, обильно пролитой нашими солдатами в этой великой войне.

Михаил ТИТОВЕЦ.